

Концертная неделя

ИНТЕРЕСНЫМИ событиями первой октябрьской концертной недели в Перми были гастрольные выступления двух молодых исполнителей из Москвы — Рудольфа Белова и Александра Осмоловского.

О КОНЦЕРТАХ Р. Белова рассказывает преподаватель Пермского музыкального училища Александр ЛАТКИН.

ПРИЯТНО отметить, что в последние годы в нашем городе довольно часто гастролируют известные исполнители на народных инструментах. В прошлом сезоне пермские любители русской инструментальной музыки тепло встречали баяниста А. Беляева и балалаечника Е. Авксентьева. И вот теперь нашим гостем был лауреат Всероссийского конкурса артистов эстрады Рудольф Белов, исполнитель на домре, пока еще недостаточно популярном, но очень своеобразном инструменте, обладающем большими техническими возможностями, ярким и певучим звуком.

Концерт начался исполнением «Элегии» Дворжака в довольно оригинальной трактовке. Здесь Белов показал прекрасное владение кантиленой с использованием всех тембровых особенностей инструмента. Колоритно, с хорошим художественным вкусом сыграл артист «Три акварели» Николая Ракова. Свежо и достоверно прозвучала «Прелюдия» Шишакова, композитора, плодотворно пишущего для народных инструментов.

А вот исполненные Р. Беловым II и III части скрипичного

концерта Д. Кабалевского в собственной обработке вряд ли можно отнести к творческой удаче исполнителя. Во многих местах авторский текст оказался намеренно искаженным — в расчете на специфику домры. А следовало ли это делать? Думаю, что нет. Ведь нет недостатка в интересной литературе для домры. Это, к примеру, концерты Будашкина, Кравченко, Зарицкого, того же Шишакова, с которыми небезынтересно было бы познакомиться нашему слушателю.

Во втором отделении Р. Белов отдал дань произведениям русских и западных композиторов-классиков. Особенно хочется отметить проникновенную трактовку артистом «Мелодии» Глюка и сыгранный с подлинно виртуозным блеском «Венецианский карнавал» Паганини.

В целом концерт был принят очень тепло. Что ж, пермяки умеют ценить талант и мастерство. Хочется только пожелать Рудольфу Белову, чтобы он

включал в репертуар концертные обработки русских народных песен. Ведь домра — русский инструмент, и кому, как не

то, что слушатели подхватят его внутренним слухом.

С точки зрения эстрадной практики, такой метод не вы-

недостижимой красоте. Умело снимая условно-романтические румяна с поэзии Есенина, артист показывает всю его крестьянскую простодушную доверчивость, ранимость его распахнутой души, мучительную растерянность на жизненном распутье. Маяковский прозвучал и проникновенный, и негодующий, и одержимо прославляющий «всяческую жизнь».

Гораздо менее убедительно выглядят в программе вечера Луговской и Светлов. И дело не в том, что поэзия каждого из них не была представлена полно. Глубинные авторские интонации слышались здесь неясно, обедненно. Преобладающее внимание артист отдает здесь, как ни странно, внешней мелодике стиха, отступая от своего творческого метода в самом главном...

Конечно, прежде всего меня сейчас сколько-нибудь определенно судить о творческих перспективах того типа литературной эстрады, какой мы увидели у Александра Осмоловского. Сделать это тем более невозможно, не зная его последних больших работ — спектаклей-монологов (так определяет жанр сам артист) по произведениям Достоевского, Блока, Маяковского. Пермские же вечера, прошедшие при переполненных залах, заставляют думать о неосвоенной сегодняшней жизнью способности его экспериментального метода.

МОЛОДАЯ ЭСТРАДА

ей, пропагандировать именно отечественную народную музыку!

О ТВОРЧЕСТВЕ артиста «Москонцерта» А. ОСМОЛОВСКОГО размышляет наш корреспондент Вс. ЛЕЖНЕВСКИЙ.

В МНОГОЛЕТНЕМ творческом соперничестве «театрального» и «актерского» направлений в литературной эстраде, надо думать, никогда не будет победителей и побежденных: популярность театров одного актера ничуть не мешает серьезному успеху чтецов разных поколений.

Александр Осмоловский, с творчеством которого впервые познакомились пермяки, пожалуй, не принадлежит ни к одному из этих направлений. Его исполнительский метод несет неожиданные и в общем-то непривычные даже для знатоков поэзии черты публичного режиссерского показа, когда в зал выносятся лишь основные «авторский тон» в расчете на

глядит бесспорным. Потому хотя бы, что основанный на «узнавании» поэтического интонации, он приложен не для всякой аудитории.

Оговорка эта имеет прямое отношение к показанной А. Осмоловским в Перми программе вечера советской поэзии (он читал в университете, институте усовершенствования учителей и в Доме политического просвещения). Там, где артисту удается донести этот основной тон, там звучащая поэтическая речь полна смысла и жизненности и за каждой фразой стоит личность и судьба человеческая.

Таковы у Осмоловского Блок, Есенин, Маяковский. В монологах Александра Блока мы не заметим ничего, относящегося к немало распространенному и поныне «блоковскому шаблону» — мистической отрешенности поэта от повседневного земного бытия своего современника: услышим голос, полный глухой горечи и яростной боли, зывающий к далекому идеалу и